

Он переспросил:

— А сам господин как считаете?

Окутанный грехами убийств, он, конечно, не мог считаться хорошим человеком, и Жун Лоюнь никогда не стремился быть таковым. Но сейчас, сжав губы, он молчал, желая приукрасить действительность и обмануть как других, так и себя.

— Я считаю... — прошептал он, стиснув зубы, — что всё в порядке.

Однако собеседник не стал его слушать, воспользовавшись моментом, чтобы вырваться за дверь, и, подгоняя злых псов, схватил того негодяя-чиновника. В открытую дверь ворвался свежий ветер, и он мгновенно протрезвел, проглотив неуместные глупости.

Снова зажгли свечи, и начался ночной допрос Цзя Яньси.

Стая собак толпилась за дверью, лязгая зубами, а Цзя Яньси лежал на полу, дрожа и плача, словно ребенок. Хо Линьфэн сказал:

— Ночь глубока, не затягивайте. Если не скажете правду, я выброшу вас на съедение братьям-псам.

Цзя Яньси закивал, как марионетка, готовый вывернуть душу, лишь бы не солгать.

Первое дело: голод в округе Ханьчжоу. Когда начался голод, он ничего не сделал, а когда ситуация ухудшилась, удерживал продовольствие для помощи, выжимая кровь из народа и наживаясь на этом. Жун Лоюнь взял кисть, обмакнул её в чернила и написал обвинительный акт. Он действовал как опытный следователь, не спрашивая о сумме награбленного или о том, куда ушли деньги, а сразу спросил:

— Где книги учета?

Цзя Яньси замешкался, не зная, как соврать, и начал мямлить. Жун Лоюнь, потеряв терпение, схватил фарфоровую чашу и швырнул её, попав прямо в рану Цзя Яньси. Тот завопил, слезы и сопли текли ручьем, его плач был громче, чем у скорбящего сына.

За столом Хо Линьфэн тихо сказал:

— Это была моя чашка для питья...

В его голосе слышался упрек, и Жун Лоюнь, подтолкнув другую чашку, тихо успокоил:

— Возьми мою.

Хотя они допрашивали человека, из-за старой фарфоровой чашки они начали спорить, настолько глупо, что даже свечи трещали в знак протеста, странно, что заключенный смотрел на них с недоумением, а даже дикие собаки за дверью разбежались от раздражения.

Плач Цзя Яньси постепенно стих, и он смирился:

— В нижней части павильона посреди озера есть потайной отсек, там спрятаны книги учета.

Кроме этого, он признался во всех злодеяниях, совершенных за два года службы.

Однако ни слова о Чэнь Жоине, касаясь семьи, он не осмелился.

Жун Лоюнь записал всё до последнего слова, даже если бы пришлось исписать бамбуковые дощечки. После допроса Хо Линьфэн показал обвинительный акт Цзя Яньси, приказал ему подписать и поставить отпечаток пальца, а затем запер его в маленькой кухне.

Допрос и составление показаний должны быть делом властей, но если Жун Лоюнь прибыл сюда для личной мести, зачем он занимается этим? Хо Линьфэн, размышляя, вернулся в комнату. У края кровати Жун Лоюнь наклонился, стелил постель, с трудом управляясь одной правой рукой.

Подойдя, он заменил его, заметив, что матрас был повернут поперек, достигая стены, и спросил:

— Почему так?

Жун Лоюнь ответил:

— Так хватит на двоих.

Он поправил подушку, отодвинув циновку у ног.

— Раз места хватает, а ты спас мне жизнь, разрешаю тебе лечь на кровать.

Глаза Хо Линьфэна загорелись ярче. Такой привередливый человек согласился разделить с ним постель, не зря он старался как вол. Он без всякого стеснения, давно не отдыхая, сразу снял верхнюю одежду и рубашку, забрался на кровать, с наслаждением вздохнул и даже перевернулся.

Перекатившись на место, он заметил, что Жун Лоюнь всё ещё стоял, смотря на него свысока.

Хо Линьфэн похлопал по кровати:

— Господин, ложитесь.

Жун Лоюнь снял обувь, забрался на кровать, перешагнув через него и лег внутрь. Он лег на бок, подальше от собеседника, так далеко, что почти прижался к стене, где запах плесени вызывал у него отвращение.

Но Хо Линьфэн не давал покоя:

— Господин, вы медитируете?

Жун Лоюнь резко повернулся, от чего сердце и легкие сжались, и он невольно свернулся в клубок. Хо Линьфэн тут же наклонился к нему, положив руку на грудь, чтобы унять боль. Вдруг он вспомнил тот момент, когда проверял пульс, и от стыда и злости чуть не задохнулся, редко ругнувшись:

— Хватит, черт возьми, трогать меня!

Хо Линьфэн, опираясь на локоть, сказал:

— Я просто утешаю вашу боль. Вчера, когда лечил, трогал вашу спину, почему вы тогда молчали?

Ученик спорит с господином, это что, бунт? Жун Лоюнь, слабый и изможденный, только глазами старался показать свою силу:

— Я просил вас лечить меня? Просил?

Его глаза, похожие на цветы персика, метали иглы.

— Если я не ошибаюсь, нет?

Хо Линьфэн ответил:

— Нет, так нет. Но теперь ваше тело наполнено моей энергией, хотите отвертеться?

Его аристократические замашки и генеральская важность вырвались наружу.

— Просили ли вы меня помочь одеться? Помыть волосы? Даже на вашу кровать я забрался по вашему предложению.

Он фыркнул.

— Оказывается, господин не только любит сначала обмануть, а потом убить, но и любит сжигать мосты.

Жун Лоюнь, разозлившись, схватил подушку и ударил, но силы не хватило, и он лишь слабо помахал ею. Хо Линьфэн вдруг крепко схватил его за запястье, и гнев сменился радостью:

— Эта рука двигается?!

Он оцепенел, используя левую руку, которая вдруг обрела некоторую чувствительность. Хо Линьфэн, держа его запястье, сжал пальцы, и, дойдя до мизинца, зацепил его, предложив попробовать сжать.

Ему было немного больно, но он смог это сделать.

Два пальца сцепились, словно дети, заключая обещание. Хо Линьфэн слегка потянул и тихо сказал:

— Крючок, петля...

Подняв глаза, он встретился взглядом с Жун Лоюнем, будто между ними не было вражды.

— Господин, больше не рискуйте в одиночку.

Хотя они сцепили пальцы, казалось, что сцепились сердца. Жун Лоюнь спросил:

— Если я снова окажусь в опасности, ты спасёшь меня?

Хо Линьфэн ответил:

— Спасу, но не стану рабом.

Жун Лоюнь открыл рот:

— Это были слова в гневе, хотя... я сам не знаю, почему разозлился.

Он повернулся к серой стене, запах плесени прояснял его мысли.

— Я благодарен тебе.

То холодный, то горячий, то стыдливый, то злой, как красивый сумасшедший.

Сцепленные мизинцы слегка качнулись, и Хо Линьфэн закончил ту детскую песенку:

— Крючок, петля, сто лет не меняться.

Он поправил одеяло Жун Лоюня, лег на спину на расстоянии вытянутой руки и, уставший, закрыл глаза. Жун Лоюнь же лежал с широко открытыми темными глазами. Он обещал больше не рисковать в одиночку, а что насчёт другого?

— Ду Чжун? — позвал он. — Ты что обещаешь?

Ему всё казалось нереальным. Тот нес его на спине, преодолев четыреста ступеней, вытер капли масла с его подбородка, прикрыл глаза, когда собаки обезумели, и ссорился с ним, и сцепил мизинцы, всё это казалось таким нереальным.

Он хотел, чтобы это было правдой, и потому серьезно сказал:

— Не обманывай меня, хорошо?

Хо Линьфэн внезапно открыл глаза.

Его имя было ложью, происхождение, цель — всё с самого начала было обманом.

Он притворился спящим, не отвечая, потому что на этот раз он не хотел обманывать Жун Лоюня.

Перед рассветом было холоднее всего, даже дикие собаки сбивались в кучу, чтобы согреться.

Хо Линьфэн увидел во сне зимнюю пустыню, покрытую снегом, под которым скрывался песок. Он шел, обхватив себя руками, оставляя глубокие следы, но нигде не было жилья.

Не было лагеря, не было солдат, только он один в мороз. Снег шел всё сильнее, он плотнее закутался, чтобы защититься от ветра, и даже его обычно прямая спина сгорбилась.

Вдруг среди белого снега промелькнула белая тень, быстрая, как миг.

Хо Линьфэн удивился, неужели снежный ком ожил? Он побежал за ней, следуя за белой тенью, и, когда снег повалил ещё сильнее, прыгнул и поймал её в объятия. Живая, пушистая, теплая — это был маленький белый лис.

Он не хотел отпускать её ни на мгновение, обнял и крепко прижал к себе, согреваясь в этом ледяном мире.

В комнате Чаньского двора Жун Лоюнь крепко спал, завернувшись в одеяло, как вдруг большая рука резко потянула его. Затылок был прижат, маленький пучок на голове растрепался, а лицо, казалось, прижалось к твердой груди.

Он приоткрыл глаза и увидел слегка расстегнутый воротник, обнажающий ключицу и часть груди. В полусне он поправил рубашку Хо Линьфэна, а тот крепче обнял его.

Зачем он его обнимает, подумал он.

Наверное, потому что холодно, решил он.

Жун Лоюнь, всё ещё сонный, закрыл глаза и снова заснул в его объятиях. Постепенно его поза стала более расслабленной, и он слегка обнял Хо Линьфэна за талию.

Они спали так крепко, что согрели старую кровать.

К утру собаки за дверью начали просыпаться и подошли к ведру, чтобы попить воды. Языки шумно хлестали воду, и Хо Линьфэн проснулся, подняв глаза на заплесневелую стену, а затем почувствовал сладкий аромат.

Он замер, этот запах исходил от волос Жун Лоюня, он крепко обнимал его.

Дневник настроения Сяо Жуна 2: Весна, ветер. Из-за лечения я слегка истощил Ду Чжуна, пусть он отдохнет полмесяца. Сегодня ел жареного кролика, очень вкусно, только... слишком жирно. А ещё, ту сутру я не смог прочитать, только притворился, Будда прости, я виноват.

<http://bllate.org/book/16167/1449239>